

НА ЮГЕ

КИТАЯ

ОРЕСТ МАЛЬЦЕВ

Не очень жаркий день, но воздух влажный. Душно. Юг Китая. 1960 год. Мы идем по дороге среди светло-зеленого разлива рисовых полей. Рис высокий, кустистый. Второй урожай. Первый собран в конце июля, и на сжатых полосках, там, где стоит вода, все еще кормятся стаи домашних уток.

Нас сопровождает молодая женщина, худенькая, очень стеснительная, с большими карими глазами. Бан Юй-хоань — Героиня труда, секретарь сельской партиячейки и бригадир полеводческой бригады. Ей всего тридцать пять лет. Но в это трудно поверить. У нее тонкая, словно высохшая, фигура и увядшее морщинистое лицо. Это от того, что у Бан не было юности. С детства батрачила у помещика. В этой живописной местности, где земля так щедра и природа так расточительна, что даже мята достигает гигантских размеров, а цветущие поля батата дают по четыре урожая в год, прежде царили голод и нищета. Что ни морщина на лице Бан, то след прошлого. Кажется, что ее настоящая молодость началась только недавно, восемь лет назад, когда она вместе с товарищами-мужчинами взялась за устроительство новой жизни... Ее бригада в борьбе за урожай риса не раз завоевывала красное знамя, и в этом было и есть ее счастье.

Бан вдова. Муж ее умер. У нее две дочери комсомолки; обе работают: одна — продавщицей в магазине, а другая служит в уездном центре. И есть сын, школьник, с ним она и живет в маленькой квартирке, которую получила после аграрной реформы в бывшем доме помещика.

— Мой сын учится здесь.

И Бан указала на низкое кирпичное здание, стоящее чуть в стороне от дороги. Перед ним — лужайка для игр. Тут же домик. В нем живут три учителя. Они занимаются с детьми в три смены.

Дети никогда еще не были такими счастливыми!

— А это наш детский сад.

Дети, не старше трех-пяти лет, выбегают из дощатых ворот со звездой на перекладине, протягивают тонкие ручонки и с восторгом кричат:

— Нихао! Нихао! Здравствуйтесь, советские дяди и тети!

И, собравшись в кружок, начинают петь и приплясывать, хлопая в ладошки. А маленькая солистка в цветастом фартучке, стоя в центре хоровода, серьезно и очень старательно поет, забавно жестикулируя.

Руководительница детского сада, девушка лет восемнадцати, с малышом на руках, улыбается, глядя на нее. Кто знает, не станет ли девочка артисткой?

Я взглянул на Бан Юй-хоань. Глаза ее влажно блестели. И под щекой словно желвачок ходил. Угадывалось ее чувство. Тысячи лет существует китайское государство, какими только великими открытиями, стенами, дворцами, садами и богами не удивляло мир, а вот дети... Дети никогда еще не были такими счастливыми!

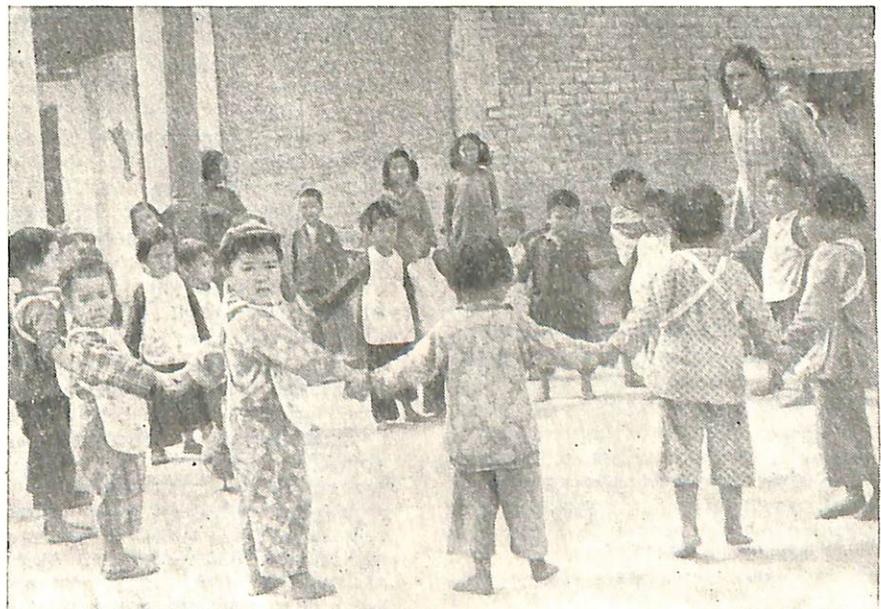
И старики — тоже.

— Пожалуйста, вот их дом! Дом счастья.

Тоже бывший помещичий. Он стоит на небольшом возвышении, возле прудика, обсаженного молодыми деревцами. Побеленная кирпичная стена расписана яркими картинками, рассказывающими о жизни обитателей дома. Двое стариков играют в шахматы, а этот наслаждается музыкой. Старушки кормят уток, прядут...

Нас окружают жильцы. Все они в темно-синих и черных одеждах. На лицах разлитое выражение спокойствия, безмятежности. Дряхлые, но не беспомощные. Жизнь принесла с собой новое цветение в их старость. Зажгла огонек в их глазах, пробудила тягу к искусствам — вот скрипки и двухструнные гитары чэн-цзинь, висающие на стене в столовой. Поддержала охоту к физическому труду — вот огород, целое подсобное хозяйство, которым они занимаются, получая немалые доходы, вот деревья, которые они посадили, вот пруд, в котором они разводят рыбу...

Большие карпы, отливающие голубишной, громко чмокают, присосавшись к сладким, сочным побегам

чакана. Естественных водоемов, заросших водяными растениями, немало в селении Утхан. Широкие листья бананов свисают над ними. Из-за каменных заборов выглядывают изящные деревца маниоки. У самых домов колышутся темно-зеленые молочаи, сухо шелестит листьями кукуруза, достигающая двух с половиной метров высоты. Там и здесь пальмы, камфарные и тунговые деревья. Подстать этой пышной растительности на огородах вымахнули местные сорта редьки, редиски, бобов. А дальше — неоглядные ананасовые рощи, плантации сахарного тростника.

Бан Юй-хоань рада все нам показать, все объяснить. В ее глазах теплота и какая-то восторженность. То ли от того, что ей приятно ощущать себя хозяйкой всего — бригадиром, то ли от того, что на груди у нее, словно орден, красуется хохломская брошка, подаренная ей одной из наших туристок. Как бы то ни было, Бан Юй-хоань откровенно счастлива.

Я заметил, что секретарь партиячки любит гиперболические выражения. И снова вспомнил призывы и лозунги, какие видел на дорогах. В них очень часто встречается иероглиф «вань», напоминающий прописную букву «Б». Он означает десять тысяч, большое количество или вечность. А в сочетании с другим иероглифом — «ши» (десять), похожим по форме на крест, — огромное количество, то есть десять тысяч, помноженные на десять. Это символы всего самого что ни на есть большого. Они употребляются также и в здравницах в сочетании с иероглифом «суй», что означает буквально десять

тысяч лет жизни. Например, «Хэпин вань суй» — «Миру десять тысяч лет жизни!»

Такой тост и провозгласила Бан, когда она, как добрая хозяйка, пригласила нас в правление кооператива за обеденный стол. Количество блюд на этом столе — семнадцать! — тоже можно было бы выразить иероглифом «вань». Тут был и карп из общественного пруда, и традиционная пекинская утка, и курица в бульоне, и мясные фрикадельки, и строганая говядина с овощами, и яйца, сваренные в душистом соусе со специями, и, наконец, венец всему — каша с восемью драгоценностями: семенами лотоса, финиками, виноградом, тыквой, зелеными соевыми бобами и другими приправами.

Последние тосты за нерушимость советско-китайской дружбы, за взаимные поездки в гости, за общее здоровье и процветание; теплые рукопожатия, последние прощальные пожелания.

Скрылись за холмом плоские крыши двухэтажных домиков селения Утхан. Сидя в машине, мы читаем строки, принадлежащие Фан Чжи-миню, одному из храбрых командиров Китайской Красной армии, который в гоминдановском застенке, накануне смерти писал: «Безграничны возможности нашей земли, безмерны до сих пор не освоенные богатства, таящиеся в ее недрах. Еще более необъятны силы природы, неизведанные и никогда ранее еще не служившие человеку. У нашей родины-матери груди полны молока, и ей не занимать сил, чтобы выкормить сотни миллионов своих детей. Я думаю, в мире нет другой такой матери, которая вырастила бы больше детей, чем наша».

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР

ЕГИПЕТСКОГО РАЙОНА

ОАР

В 1935 году в Каире возникла Национальная труппа. Это была первая серьезная попытка создать в стране национальный драматический театр. Первым директором труппы стал известный поэт Халиль Мутран.

За свою 25-летнюю историю труппа несколько раз меняла название, объединялась с другими театральными коллективами. В 40-х годах на сцене этого театра наряду с драматическими произведениями было поставлено много оперетт. Этот смешанный репертуар был продиктован назревшей необходимостью двинуть вперед развитие национальной музыкальной культуры. В 1958 году труппа была переименована в Национальный театр.

На сцене Национального театра постоянно ставятся произведения арабских и иностранных классиков, как, например, «Скупой» Мольера и «Маджнун и Лейли» Ахмеда Шауки, пьесы современных египетских драматургов: «Возвращение молодости» и «Сделка» Тауфика аль-Хакима, «Кофе королей» Лютфи аль-Хули и других.

Самым крупным событием в жизни театра за последние годы была постановка драмы Л. Н. Толстого «Власть тьмы». Это первое произведение русского писателя, появившееся на сцене Национального театра. С него театр и начал свой сезон 1958/59 года. Спектакль вызвал многочисленные отклики в египетской прессе.

«Пьеса «Власть тьмы» — настоящее чудо... Начав с нее сезон, труппа Национального театра преподнесла нам урок, значение которого трудно переоценить... Толстой — писатель, чье творчество потрясло весь мир...» — так писала газета «Аль-Ахбар». Многие критики в этой связи подчеркивали высокий уровень развития

театрального искусства в Советском Союзе и указывали на «богатое драматургическое наследие русского театра». Этого обстоятельства не могла не учитывать труппа Национального театра и, как писал Камилль Юсеф в газете «Аль-Маса», «она решила приступить к ознакомлению арабского зрителя с произведениями русского театра».

Несмотря на некоторые погрешности в переводе и постановке, спектакль «Власть тьмы» был тепло принят египетским зрителем.

Сезон 1959/60 года Национальный театр начал с показа пьесы египетского писателя старшего поколения Тауфика аль-Хакима «Пещерные люди», произведения, впервые поставленного труппой четверть века назад.

Национальному театру Египетского района ОАР, отметившему недавно свое 25-летие, принадлежит ведущее место в развитии театрального искусства в стране.

Г. КРАПИВА